

М.Р. НЕВЛЮТОВ

РИТУАЛЬНЫЕ ИСТОКИ АРХИТЕКТУРЫ

В поисках первых истоков архитектуры ряд историков, антропологов, теоретиков архитектуры обращаются к обрядам, сопровождающим строительство, ритуалам основания города. Ученые приходят к выводам, что в основании архитектурной формы находится определенный порядок исполнения ритуала, который осуществляется в актах строительства и процессах эксплуатации созданного пространства. Но архитектура не только репрезентирует предшествующий ей ритуал, а сама является ритуальным действием, обладает агентностью. Ритуальная функция архитектуры заключается в идентификации конкретного места в пространстве, в примирении далекого и близкого, внутреннего и внешнего, в соединении разделенного пространства. Такое понимание ритуальной природы архитектуры воплощено в современной теории архитектуры с помощью категории перформативности.

Ключевые слова: ритуал, истоки архитектуры, перформативность, идентификация, соединение-разделение, агентность архитектуры.

M.R. NEVLYUTOV

RITUAL ORIGINS OF ARCHITECTURE

Historians, anthropologists, architecture theorists research the rites of construction, the rituals of the city's foundation to find the origins of architecture. They believe that the base of the architectural form is a certain order of execution of the ritual, which is carried out in the acts of construction and the processes of exploitation of the created space. The ritual function of architecture is to identify the place in space, to reconcile the inner and outer, the union of space, divided into own and alien. So architecture isn't represent the preceding ritual, but also it is a living and volatile action: architecture has agency and autonomy. Architecture belongs to the world in which it can act and at the same time be subject to its influence. This understanding of the ritual nature of architecture is articulated in this category of architecture as performativity.

Keywords: ritual, origins of architecture, performativity, identification, connection-separation, agency of architecture

ВВЕДЕНИЕ

Одним из вопросов, к которому постоянно возвращается архитектура, является вопрос о собственных истоках. По замечанию Джозефа Рикверта, увлечение историков архитектуры и антропологов примитивными жилищами (пещера Витрувия, первая хижина Виоллеле-Дюка, примитивная хижина Ложье, карибская хижина Земпера, длинный дом ирокезов Моргана и др.) возникает в моменты, когда появляется необходимость обновления области, находящейся в кризисе¹. Вопрос об истоках — это вопрос о подлинности архитектуры,

Nevlyutov Marat.
Contemporary World's
Architecture, 2/2018,
Pp. 229–241.

УДК 72.01

DOI 10.25995/
NIITAG.2019.11.2.025

Невлютов Марат Раилевич — научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (филиал ФГБУ «ЦНИИП Министра России») E-mail: mnevlyutov@gmail.com

Nevlyutov Marat — Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Federal State Budget Institution "Central Scientific-Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia", researcher

ее соответствия своей сущности, явленной в описании примитивной хижины. Поиск первого образца в конечном итоге сводится к обнаружению или выведению эталона, идеального образа, который бы предшествовал любой архитектурной форме. Он должен стать примером и содержать сущностные принципы для последующего воспроизведения в ритуале, акте строительства. По замечанию антрополога Альберта Байбурина, в основе ритуалов строительства жилища всегда лежит универсальный образ, который должен быть повторен в конкретной архитектурной форме: «Ритуал строительства ориентирован не на конкретные детали постройки, а на самые общие признаки дома, на образ дома»².

В определенный исторический момент идеальный образ, архитектурный эталон не удается артикулировать в виде какой-либо обобщенной формы, образных описаний, отстраненных рекомендаций. И в XX веке архитекторы обращаются к ритуальным основаниям архитектуры в надежде там обнаружить потерянные по пути технологического прогресса смыслы. Для того чтобы осмыслить истоки архитектуры и попытаться интерпретировать их в современности, в которой, как кажется, нет места ритуалу, мы обратимся к работам антропологов и философов (Хайдеггер, Элиаде, Бурдьё, Байбурин, Ингольд), архитектурных теоретиков и историков (Земпер, Рикверт, Перес-Гомес, Норберг-Шульц, Летербарроу), которые проблематизировали отношения ритуала и архитектуры.

РИТУАЛ И ТИП

Размышления о первом образце или идеальном типе можно встретить у многих теоретиков на протяжении всей истории архитектуры начиная с трактатов Витрувия. В XX веке наиболее значимым является текст «Четыре элемента архитектуры» Готфрида Земпера³. По мнению Мари Хваттум, в своих рассуждениях о «карибской хижине» архитектор стремится вытеснить представления

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Rykwert J. *On Adam's House in Paradise: The Idea of the Primitive Hut in Architectural History*. First edition. Museum of Modern Art. 1972.

² Байбурин А. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 15.

³ Semper G. *The Four Elements of Architecture*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

⁴ Hvattum M. *Gottfried Semper and the Problem of Historicism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 65.

⁵ Rykwert J. *Sigfried Gideon and the Notion of Style* // *Burlington Magazine*. 1954. № 96 (April). Pp. 123–124.

⁶ Perez-Gomez A. *Built upon Love: Architectural Longing after Ethics and Aesthetics*. Cambridge, London: The MIT Press, 2006. P. 153.

об идеальной и неподвижной форме примитивной хижины. Земпер больше внимания уделяет соотношению и взаимодействию между элементами, рассматривает «хижину» как художественный принцип. «Земпер на протяжении всей своей жизни стремился найти и определить эти “составные части” — и он нашел их не как археологические факты, но как творческий принцип»⁴. Три элемента (насыпь, ограждение и крыша) были организованы вокруг домашнего очага, который создавал порядок и единство людей вокруг пламени, защищающего от враждебных, внешних сил природы. Несмотря на оригинальность подхода, Земпер сохраняет веру в существовании неизменных принципов, воспроизводимых в архитектуре. Тем не менее его выводы являются первыми шагами к осмыслению истоков архитектуры как сопричастных ритуалу структур.

Важный ход для понимания отношений ритуала и архитектуры совершает историк Джозеф Рикверт. Он акцентирует внимание на изменемости форм архитектуры в соответствии с ее использованием и осуществляемыми в пространстве ритуалами и взаимодействиями. Рикверт критично рассматривает понимание типа архитектора Альдо Росси: «Неужели он (Росси. — М.Н.) не понимает, что смотрит на увековечивание Римского гражданского права, воплощенного в придворном церемониале? Здания, о которых он говорит (амфитеатры, театры, храмы, бани), нельзя понимать как “типы” в том смысле, как он это делает. Это живые формы, выработанные за века использования, отполированные, как камни в реке»⁵. «Живые формы», возникающие в процессе осуществления ритуальных практик, Рикверт противопоставляет архитектурным «типам» Росси.

Развивает и одновременно трансформирует предложенное Риквертом понимание архитектурных форм Альберто Перес-Гомес. Он полагает также, что в основании архитектурной формы расположено сакральное действие — античный хор или танец, произошедший от гимнов Дионису (дифирамбов). Ритуал демонстрировал существующий космический порядок, а закреплением этого порядка было строительство, повторяющее в некотором смысле ритуал. «Предполагалось, что участие в строительстве здания всегда вовлекало бы разными способами ритуальное действие для размещения людей в порядке мироздания»⁶. Но Перес-Гомес отмечает, что ритуал не просто отсылает к космическому порядку, он воплощен субстанциально, повторен в конкретном месте и ситуации, благодаря чему исчезает дистанция между зрителем и демонстрируемым мирозданием. Он в большей степени, чем Рикверт, акцентирует феноменологическую составляющую архитектуры.

Рикверт и Перес-Гомес предлагают взамен универсального типа изменчивые и подвижные формы ритуала, которые воспринимаются непосредственно чувствами зрителей, вовлеченных в действие.

Но в основание суждений о ритуале по-прежнему положен некий артефакт — построенное здание или город, а не «первое», сакральное действие, знание о котором безвозвратно утрачено. Рикверт замечает, что о ритуалах основания древнего города мы можем судить лишь по следам, интерпретируя их из ситуации современности: «В течение тысячелетия подъема и упадка Римской империи город претерпел много изменений, интерпретации стали все более сложными и даже противоречивыми, обряды, смысл которых иногда забывали, были истолкованы повторно анахронически»⁷.

Архитектура является в таком случае записью ритуальных практик, а не живым их воплощением. Она запоминает пространство совершения ритуала, но не описывает сам ритуал, оказывается артефактом совершенного действия и гарантом его дальнейшего воспроизводства. Но чтобы сохранить некоторую устойчивость, архитектура должна обладать своей собственной подвижностью и вариабельностью, допускающей определенное количество изменений порядка ритуала или возможность множества интерпретаций. Такой ход описывает Пьер Бурдьё, когда описывает коды ритуальных практик, структурирующих физическую реальность. Эти коды могут существовать стабильно в виде схемы или правила при условии своей подвижности, гибкости и неопределенности: «...агенты, ведомые практическим пониманием глобального равенства такого-то момента аграрного цикла такому-то моменту ткачества (например, сборка ткацкого станка и начало пахоты), не нуждаются в эксплицитно сформулированных гомологиях и применяют одни и те же схемы восприятия и действия как в той, так и в другой ситуации или переносят из одной в другую те же ритуальные ряды (к примеру, погребальные песнопения могут исполняться мужчинами в связи с жатвой и женщинами в связи с разрезанием полотна)»⁸.

Таким образом, архитектура является записью ритуальных действий, но сохраняет в себе возможность для более или менее их свободной

ПРИМЕЧАНИЯ

⁷ Rykwert J. *The idea of a town: the anthropology of urban form in Rome, Italy, and the ancient world*. London: Faber & Faber, 2013. P. 44.

⁸ Бурдьё П. *Практический смысл*. СПб.: Алетейя; М.: Ин-т экспериментальной социологии, 2001. С. 32.

⁹ Элиаде М. *Священное и мирское* / Пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 24.

¹⁰ Norberg-Schulz C. *Intentions in Architecture*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1965. P. 140.

интерпретации. Более того, архитектура в некотором смысле управляет действиями, совершаемыми в ее пространстве, предполагает тот или иной ритуал. Для современной архитектуры, у которой нет необходимости соблюдать форму для совершения определенного священного действия, значимость ритуального основания находится под сомнением. Соответственно, главный вопрос в отношениях между ритуалом и архитектурой будет звучать так: какое ритуальное действие производит пространство и производится архитектурой?

СОЕДИНЕНИЕ-РАЗДЕЛЕНИЕ

Архитектура, сформированная ритуалом и являющаяся его следом, одновременно сама выполняет ряд ритуальных действий или участвует в них в качестве агента. Она, так же как и ритуал, позволяет идентифицировать себя в неразмеченном пространстве, отличить себя от другого, чужого мира. Поселение или жилище является знаком, который размечает пространство, обнаруживает в нем центр. Эта ритуальная функция архитектуры проявляется в первую очередь в закладке поселения или строительстве дома. Мирча Элиаде говорит о том, что ритуал необходим, чтобы прекратить относительность пространства, найти в нем центр или точку опоры для безопасного существования человека. «На острове Бали, как и в некоторых других районах Азии, готовясь построить новую деревню, жители стараются найти естественное пересечение, где перпендикулярно пересекаются две дороги... Если же в окрестностях не появляется никакого знака, то его вызывают. Например, предпринимают нечто вроде *evocatio* с помощью некоторых животных: именно они призваны показать, какое место может быть пригодным для возведения алтаря или для основания поселения»⁹.

О подобной идентифицирующей функции говорит также историк архитектуры Кристиан Норберг-Шульц. Человек, по его мнению, соотносит себя со средой и мыслит отличным от нее благодаря существованию архитектуры в «определенном месте». Выделяя и упорядочивая пространство, архитектура обозначает верх и низ, снаружи и внутри, фигуру и фон — ориентирует в пространстве бесконечного и относительного ландшафта, вводит абсолютную точку отсчета. «Отношение снаружи-внутри, являющееся исходным аспектом конкретного пространства, подразумевает, что пространства обладают разнообразной степенью протяженности и укрытости. В то время как ландшафты отличаются разнообразной, но в основном большой протяженностью, поселения — это закрытые объекты. Поэтому между поселениями и ландшафтом существует отношение типа фигура-фон»¹⁰. Но одно становится отличным от другого, фигура проявляется на фоне, а свое возникает среди чужого благодаря

их соположению и одновременно противостоянию. Эта дихотомия является одной из важнейших функций ритуальных практик, направленных на переход из одного состояния в другое, от своего к чужому, из «здешнего» мира в потусторонний. Архитектура также предлагает человеку пространство дома для понимания собственного места, «экзистенциально-укоренения» в пространстве.

Таким образом, архитектура указывает на точку отсчета в пространстве, позволяет человеку ориентироваться и отделить себя от внешнего мира. Но, как и ритуалы перехода, действие архитектуры заключает в себе двойную природу: не только разделяет, но одновременно связывает здешнее с потусторонним, далекое и близкое, «здесь» и «там». Байбурин пишет: «Отсюда и характерная (и не только для календарных и occasionalных обрядов) двойственность действий, ориентированных как на разделение, ограничивание, так и на соединение, установление связи»¹¹. Между своим и чужим, принадлежащим человеку и звериному, должно быть установлено равновесие, а повторение ритуала поддерживает этот хрупкий баланс. «Ситуация нарушения равновесия между ними разрешается с помощью (и в ходе) ритуала, в котором устанавливается прямой контакт между представителями своего и чужого»¹². Ритуальная функция архитектуры заключается в установлении равновесия между своим и чужим, между окружающей, враждебной средой и защищенным пространством дома.

Архитектура действует парадоксально: соединяет — разделяя, проявляет — скрывая. Ключом к пониманию этого свойства могут стать рассуждения Мартина Хайдеггера о вещи. Он обсуждает такой характер близости вещи, называя его «при-близение», суть которого в приближении далекого как далекого. «Близость при-ближает далекое, а именно как далекое. Далекое хранимо близостью. Храня далекое, близость истинствует в своем приближении. При-ближая далекое, близость утаивает саму себя — и остается по-своему самым близким»¹³. Философ говорит, что именно

ПРИМЕЧАНИЯ

¹¹ Байбурин А. Ритуал в традиционной культуре. СПб.: Наука, 1993. С. 188.

¹² Там же. С. 183.

¹³ Хайдеггер М. Вещь // *Время и бытие*. М.: Республика, 1993. С. 323.

¹⁴ Хайдеггер М. Исток художественного творчества / Пер. с нем. Михайлова А.В. М.: Академический Проект, 2008. С. 137.

¹⁵ Perez-Gomez A. *The Space of Architecture: Meaning as Presence and Representation // Questions of Perception. Phenomenology of Architecture*. San Francisco: William Stout Publishers, 2006. P. 10.

¹⁶ Perez-Gomez A. *Built upon Love: Architectural Longing after Ethics and Aesthetics*. Cambridge, London: The MIT Press, 2006. P. 115.

¹⁷ Heidegger M. "Building Dwelling Thinking". In *Poetry, language, thought*. 1st ed. New York: Harper & Row, 1971. P. 161.

¹⁸ *Ibid.* P. 159.

¹⁹ Куланж Ф. *Древний город: религия, законы, институты Греции и Рима*. М.: Центрполиграф, 2010.

²⁰ Baird G. Introduction "A Promise as Well as Memory": *Toward an Intellectual Biography of Joseph Rykwert // Body and Building. Essays on the Changing Relation of Body and Architecture / Edited by George Dodds and Robert Tavernor*. Cambridge, London: The MIT Press, 2002. P. 15.

в соединении противоположностей вещь выходит из своей потаенности и являет нам себя в своей истинности и вещности. Храм у Хайдеггера действует аналогичным образом: объединяет — разделяя, являет — скрывая. «Храм и округа храма не теряются в неопределенности очертаний. Творение храма слагает и собирает вокруг себя единство путей и связей, на которых и в которых рождение и смерть, проклятие и благословение, победа и поражение, стойкость и падение создают облик судьбы для человеческого племени»¹⁴. Перес-Гомес в своих размышлениях о Хайдеггере указывает, что архитектура обнаруживает свое происхождение через проявление ее «невидимого значения»¹⁵, через явление-сокрытие. Это невидимое значение он обнаруживает в действии Эроса, который являет и скрывает одновременно, сближаясь по смыслу с хайдеггеровской *alitheia*: «Мартин Хайдеггер пишет, что художественный смысл в его самом фундаментальном значении основан на сложном взаимодействии между явлением и сокрытием. Это воплощение истины как *alitheia*»¹⁶. Таким образом, архитектуру можно определить как ритуальное действие одновременного явления и сокрытия — *alitheia*.

В своем эссе “Building Dwelling Thinking” Хайдеггер отмечает, что строительство жилья — это непрекращающиеся усилия, направленные на поиск путей «проживания». «Характерное жилищное положение заключается в том, что смертные постоянно по-новому ищут сущность жилища, что они всегда должны учиться жить»¹⁷. Но «проживать» (*dwelling*) для философа синонимично существованию (*being*). Существовать мы можем лишь в определенном пространстве, которое бы давало нам экзистенциальный ориентир, успокаивало нас, соединяло в себе элементы «четверцы» Хайдеггера. Строительство не может быть понято как утилитарный процесс, оно направлено на создание места для подлинного существования. «Мы способны что-то построить, только если сможем там жить. Давайте на какое-то время задумаемся о фермерском доме в Шварцвальде, который был построен около двухсот лет назад поселением крестьян. Здесь самодостаточность власти позволять земле и небу, божествам и смертным вступать в простое единство в вещах упорядочивала дом»¹⁸. Жилье у Хайдеггера является местом примирения противостоящих и полемизирующих неба и земли, божеств и смертных в ритуальном акте явления-сокрытия.

Также следует обозначить общую функцию ритуала и архитектуры, которая лежит в основании существования общества. В своем труде «Древний город»¹⁹ Фуостель де Куланж анализирует роль ритуала в возникновении города и его институтов. Нужно отметить, что именно на работу Куланжа ссылается Рикверт, когда инициирует разговор о ритуальных основаниях архитектуры²⁰. Куланж описывает ритуал основания города как коллективное действие, направленное на создание материальной среды города. Но в результате этого ритуала возникает общество

как некоторое единство. Ритуал у Куланжа, по замечанию Черных, «выступает фундаментальной основой конкретного общества»²¹. Архитектура в таком случае — не просто производная ритуала, его следствие, но сама является действующим элементом скрепления общества.

Таким образом, в основание архитектуры может быть положена не форма, обусловленная порядком совершаемого ритуала — актом строительства или актами использования, — а некоторые функции ритуала по ориентации в пространстве, примирению противоположных сторон и миров, по объединению общества. Архитектура в такой интерпретации сама становится живым и изменчивым действием, приобретает агентность. В современной теории архитектуры такой концептуальный ход описания сущности архитектуры артикулирован в категории перформативности.

ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ АРХИТЕКТУРЫ

Перформативный характер архитектуры обсуждает теоретик архитектуры Дэвид Летербарроу. Он утверждает первичность процесса над формой, заменяет вопрос «что есть архитектура» на вопрос «как есть архитектура». Вслед за Хайдеггером он полагает главным вопросом не о сущности, но о существовании. «Главный вопрос может быть поставлен просто: каким способом здание действует? Что, другими словами, архитектурная работа действительно делает?»²² Архитектура подвержена внешним воздействиям, сопротивляется ветру, снегу, старению, влиянию человеческих усилий. Материалы сопротивляются, но неизбежно проигрывают и разрушаются. Летербарроу пишет: «Без сомнений, очевидно, что с течением времени материалы здания терпят в конце концов неудачу, но мы редко серьезно задумываемся об этом неизбежном обстоятельстве»²³. Разрушение является одним из фактов существования здания. В конечном итоге оно начинает разрушаться, как только начинает строиться.

ПРИМЕЧАНИЯ

²¹ Черных А. Ритуалы в медиатизированном обществе. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 8.

²² Leatherbarrow D. *Architecture's unscripted performance // Performative architecture : Beyond instrumentality / Branko Kolarevic and Ali Malkawi. New York: Spon Press, 2005. P. 8.*

²³ Leatherbarrow D. *Architecture Oriented Otherwise. New York: Princeton Architectural Press, 2009. P. 54*

²⁴ Zumthor P. *Thinking Architecture. Basel: Birkhauser, 1999. P. 24.*

²⁵ Leatherbarrow D. *On Weathering: The Life of Buildings in Time, with Mohsen Mostafavi. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1993. P. 4.*

С таким пониманием перформативности архитектуры работает архитектор Питер Цумтор. Он уделяет особое внимание акту возникновения здания, его старению и руинированию. В Кёльне он строит часовню Брата Клауса. Массивное бетонное сооружение часовни расположено на равнине. Стены внутри представляют собой перспективу сходящихся рельефных поверхностей. Точка схода, или «глаз купола», сквозь который внутрь помещения проникает свет, напоминает устройство древних алтарей с отверстием в крыше. Интересен для нас метод строительства. Снаружи и внутри была установлена опалубка. Внутренняя опалубка представляла собой связанные стволы деревьев в форме конуса. Бетон укладывался в 23 слоя по опалубке. Внутренняя опалубка, бревна, была сожжена, а следы сгоревших деревьев были сохранены. Сложно назвать акт сожжения опалубки ритуалом, так как он не отправляет к каким-либо устоявшимся и повторяемым действиям, нагруженным символическим смыслом. Скорее это перформативный акт, воспринимаемый и понимаемый на чувственном уровне.

Помимо акта строительства для Цумтора важен процесс старения здания, которому оно всегда подвержено благодаря тому, что оно материально. Внешние воздействия — стирание, гниение, выветривание — «обогащают» материал, записывают на его поверхности следы борьбы со временем, сохраняют в памяти материи ее собственное существование. «Архитектура показывает саму жизнь, ограничивает и сопротивляется ее силам. Поглощение и накопление — это процессы, в которых движение и энергия повседневного существования сталкиваются и остаются в установках пространства и поверхности»²⁴. Цумтор работает с выветриванием материала и старением здания как с художественным приемом.

В своей книге «Выветривание» Летербарроу показывает, что постоянное обновление, ремонт здания, разрушающегося под воздействием природных сил, приносит в архитектуру новое значение, конструирует непреднамеренный смысл, который в ней не присутствовал. «Вредоносные для здания воздействия природы обладают ценностью: они оставляют повреждения на поверхности. Процесс всегда маркирует, обозначает пространство. Эти знаки могут быть осмыслены, они даже необходимы»²⁵. Таким образом, «выветривание» является свидетельством о неизбежном продолжении ритуала строительного процесса, который не завершается никогда, так как задача сопротивления обстоятельствам постоянно предъявляет себя заново. Летербарроу предлагает альтернативное понимание истории отдельного здания и архитектуры как процесса постоянного продуцирования архитектуры, а не ее статического состояния, в котором любое изменение нежелательно. Он описывает архитектуру как повторение ритуала, который дает нам в своей преемственности особого рода утешение, ведь любое изменение и эволюция всегда означают разрушение.

Антрополог Тим Ингольд указывает на тот факт, что архитектура принадлежит внешнему миру, который находится в процессе постоянных изменений. «Здания являются частью мира, а мир не останавливается, но непрерывно разворачивается в своих бесчисленных путях роста, распада и регенерации независимо от человеческих попыток утвердить его в фиксированных и окончательных формах»²⁶. Ингольд подчеркивает временной характер архитектуры, предлагает отказаться от понимания здания как простого переноса абстрактного проекта на материальный субстрат. Ссылаясь на утверждения Хайдеггера, Ингольд говорит, что жить значит строить и что строительство есть деятельность, осуществляемая реальными людьми в реальной обстановке, а не только создание умозрительных концепций и принципов. Он пишет: «...люди не вносят в мир свои идеи, планы или ментальные представления, поскольку этот самый мир, если заимствовать идею у Мерло-Понти, является местом рождения их мыслей»²⁷.

Суждения о том, что архитектура должна быть интерпретирована как живая и бессознательная деятельность, неизменно связанная с фактом существования окружающего мира, позволяют Ингольду утверждать единый характер архитектуры, создаваемой людьми и животными. Обращаясь к полемике об истоках и первых образцах архитектуры, Ингольд снимает вопрос о возникновении архитектуры, так как в его интерпретации появление первого дома не является фактом исключительно человеческой культуры. Для него нет необходимости опираться на теории биологической эволюции, чтобы описать переход от гнезда к примитивной хижине, и на культурную историю, чтобы объяснить переход от хижины к небоскребу: все эти трансформации расположены в едином поле архитектуры. Такая интерпретация феноменологии Хайдеггера с добавлением биологии развития позволяет Ингольду сделать следующий шаг в работе с категорией перформативности в архитектуре — показать архитектурный ритуал как действия, укорененные вне человеческой агентности.

ПРИМЕЧАНИЯ

²⁷ Ingold T. *Making: Anthropology, Archaeology, Art and Architecture*. New York: Routledge, 2013. P. 48.

²⁶ Ingold T. *The Perception of the Environment. Essays on livelihood, dwelling and skill*. London and New York: Routledge, 2000. P. 187.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Архитекторы в поисках истоков и первых принципов архитектуры исследуют обряды строительства, ритуалы основания города. Осмысление ритуала в архитектуре в первую очередь связано с актами строительства и актами использования здания или городского пространства. Ритуал в архитектуре является повторением первого, сакрального акта строительства. Но современное понимание ритуального истока архитектуры затруднено тем, что нет возможности восстановить изначальный смысл ритуального действия в архитектуре. Для этого необходимо обратиться к интерпретации ритуальных функций архитектуры через иные принципы и категории.

Архитектура имеет ритуальную природу, но не является просто фиксацией форм ритуала или гарантом его воспроизводства. Архитектура ориентирует человека в пространстве, выделяет свое среди чужого, закрытое пространство дома в открытом и враждебном ландшафте мира. Но, как и ритуал, архитектура имеет дуальную природу: проявляя и разделяя, она скрывает и соединяет. Таким образом, архитектура является действием; существование, то есть ритуальные основания архитектуры могут быть артикулированы в категории перформативности. Архитектура является живой сущностью, подверженной воздействиям внешнего мира: возникновению, старению, разрушению.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байбурин А. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М.: Языки славянской культуры, 2005.
2. Байбурин А. Ритуал в традиционной культуре. СПб.: Наука, 1993.
3. Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя; М.: Ин-т экспериментальной социологии, 2001.
4. Куланж Ф. Древний город: религия, законы, институты Греции и Рима. М.: Центрполиграф, 2010.
5. Хайдеггер М. Вещь // Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 316–327.
6. Хайдеггер М. Исток художественного творения / Пер. с нем. Михайлова А.В. М.: Академический Проект, 2008.
7. Черных А. Ритуалы в медиатизированном обществе. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
8. Элиаде М. Священное и мирское / Пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994.
9. Baird G. Introduction "A Promise as Well as Memory": Toward an Intellectual Biography of Joseph Rykwert // Body and Building. Essays on the Changing Relation of Body and Architecture / Edited by George Dodds and Robert Tavernor. Cambridge, London: The MIT Press, 2002. Pp. 2–28.

10. Heidegger M. "Building Dwelling Thinking". In Poetry, language, thought. 1st ed. New York: Harper & Row, 1971. Pp. 143–161.
11. Hvattum M. Gottfried Semper and the Problem of Historicism. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
12. Ingold T. The Perception of the Environment. Essays on livelihood, dwelling and skill. London and New York: Routledge, 2000.
13. Ingold T. Making: Anthropology, Archaeology, Art and Architecture. New York: Routledge, 2013.
14. Leatherbarrow D. Architecture Oriented Otherwise. New York: Princeton Architectural Press, 2009.
15. Leatherbarrow D. Architecture's unscripted performance // Performative architecture : Beyond instrumentality / Branko Kolarevic and Ali Malkawi. New York: Spon Press, 2005. Pp. 5–21.
16. Leatherbarrow D. On Weathering: The Life of Buildings in Time, with Mohsen Mostafavi. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1993.
17. Norberg-Schulz C. Intentions in Architecture. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1965.
18. Perez-Gomez A. Built upon Love: Architectural Longing after Ethics and Aesthetics. Cambridge, London: The MIT Press, 2006.
19. Perez-Gomez A. The Space of Architecture: Meaning as Presence and Representation // Questions of Perception. Phenomenology of Architecture. Tokyo: A + U, 1994. Pp. 7–27.
20. Rykwert J. On Adam's House in Paradise: The Idea of the Primitive Hut in Architectural History. First edition. Museum of Modern Art. 1972.
21. Rykwert J. The idea of a town: the anthropology of urban form in Rome, Italy, and the ancient world. London: Faber & Faber, 2013.
22. Rykwert J. Sigfried Gideon and the Notion of Style // Burlington Magazine. 1954. №96 (April). Pp. 123–124.
23. Semper G. The Four Elements of Architecture. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
24. Zumthor P. Thinking Architecture. Basel: Birkhauser, 1999.

REFERENCES

1. Bayburin A. *Zhilische v obryadah i predstavleniyah vostochnyh slavyan*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2005.
2. Bayburin A. *Ritual v tradicionnoy kulture*. Saint-Petersburg: Nauka, 1993.
3. Bourdieu P. *Prakticheskiy smysl*. Saint-Petersburg: Aleteyya; Moscow: In-t eksperimentalnoy sociologii, 2001.
4. Coulanges F. *Drevniy gorod: religiya, zakony, instituty Grecii i Rima*. Moscow: Centrpoligraf, 2010.
5. Heidegger M. Vesch // *Vremya i bytie*. Moscow: Respublika, 1993. Pp. 316–327.

6. Heidegger M. *Istok hudozhestvennogo tvoreniya* / Per. s nem. Mihaylova A.V. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2008.
7. Chernyh A. *Ritualy v mediatizirovannom obschestve*. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2012.
8. Eliade M. *Svyaschennoe i mirskoe* / Per. s fr., predisl. i komment. N.K. Garbovskogo. Moscow: Izd-vo MGU, 1994.
9. Baird G. Introduction "A Promise as Well as Memory": Toward an Intellectual Biography of Joseph Rykwert // *Body and Building. Essays on the Changing Relation of Body and Architecture* / Edited by George Dodds and Robert Tavernor. Cambridge, London: The MIT Press, 2002. Pp. 2–28.
10. Heidegger M. "Building Dwelling Thinking". In *Poetry, language, thought*. 1st ed. New York: Harper & Row, 1971. Pp. 143–161.
11. Hvattum M. *Gottfried Semper and the Problem of Historicism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
12. Ingold T. *The Perception of the Environment. Essays on livelihood, dwelling and skill*. London and New York: Routledge, 2000.
13. Ingold T. *Making: Anthropology, Archaeology, Art and Architecture*. New York: Routledge, 2013.
14. Leatherbarrow D. *Architecture Oriented Otherwise*. New York: Princeton Architectural Press, 2009.
15. Leatherbarrow D. Architecture's unscripted performance // *Performative architecture : Beyond instrumentality* / Branko Kolarevic and Ali Malkawi. New York: Spon Press, 2005. Pp. 5–21.
16. Leatherbarrow D. *On Weathering: The Life of Buildings in Time, with Mohsen Mostafavi*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1993.
17. Norberg-Schulz C. *Intentions in Architecture*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1965.
18. Perez-Gomez A. *Built upon Love: Architectural Longing after Ethics and Aesthetics*. Cambridge, London: The MIT Press, 2006.
19. Perez-Gomez A. The Space of Architecture: Meaning as Presence and Representation // *Questions of Perception. Phenomenology of Architecture*. Tokyo: A + U, 1994. Pp. 7–27.
20. Rykwert J. *On Adam's House in Paradise: The Idea of the Primitive Hut in Architectural History*. First edition. Museum of Modern Art. 1972.
21. Rykwert J. *The idea of a town: the anthropology of urban form in Rome, Italy, and the ancient world*. London: Faber & Faber, 2013.
22. Rykwert J. Sigfried Gideon and the Notion of Style // *Burlington Magazine*. 1954. № 96 (April). Pp. 123–124.
23. Semper G. *The Four Elements of Architecture*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
24. Zumthor P. *Thinking Architecture*. Basel: Birkhauser, 1999.